

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

А.Н. БАРАНОВ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

baranov_anatoly@hotmail.com

Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>

dobrovolskij@gmail.com

В статье обсуждаются принципы идеографического описания фразеологической системы русского языка. Представлены основные этапы проекта фундаментального исследования русской фразеологии. Одним из этапов этого проекта явилось создание словарей-тезаурусов русской идиоматики. Рассматриваются различные аспекты разработанных тезаурусных описаний, обращается внимание на то, что тезаурус является одним из вариантов семантической сети. Более полное лексикографическое представление должно учитывать все многообразие отношений, существующих между фразеологизмами как единицами языка и как единицами речи.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, тезаурус, идеографическое описание, семантическая сеть

RUSSIAN PHRASEOLOGY FROM THE IDEOGRAPHIC PERSPECTIVE

A.N. BARANOV

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

D.O. DOBROVOL'SKIJ

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The article discusses the principles of the ideographic description of the phraseological system of Russian. We describe the main stages of our research project on Russian phraseology. One of the stages of this project was the creation of thesauri of Russian idioms. We consider various aspects of the ideographic description of idioms. Our idiom thesauri presented in the given paper fix paradigmatic relations between idioms. From this point of view, they can be regarded as a kind of semantic network. A more complete lexicographic representation of the Russian phraseology should include all the variety of relations between idioms in language and speech.

Keywords: phraseology, idioms, thesaurus, ideographic description, semantic network

1. Исходные предпосылки

В Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН с 90-х годов XX века осуществляется проект по изучению и научному описанию русской фразеологии. Основная цель проекта заключается в том, чтобы отразить состав современной русской фразеологии, начиная с 60-х гг. XX в., а также исследовать синтаксис, семантику и прагматику фразеологических единиц — в первую очередь идиом как центральной части системы фразеологизмов. Эта работа была начата с создания словника современной русской идиоматики, который лег в основу идеографического описания идиом (Словарь-тезаурус 2007; Тезаурус русских идиом 2018).

Идеографическое описание было выбрано как один из первых этапов работы над проектом не случайно. Распределение идиом по смысловым, или тематическим, группам — важнейшее условие их семантической экспликации. На последующих этапах создавались толковые словари идиоматики (ФОС 2009, АСРФ 2020), а также проводились теоретические исследования русской фразеологии (Баранов, Добровольский 2008; 2013). Понятно, что достоверное лингвистическое исследование идиоматики должно опираться на полный и структурированный словник идиом.

Отметим, что в мировой и отечественной практике отсутствуют полные идеографические описания идиом. В некоторых словарях (Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987; Яранцев 1997; СОВРЯ 1995; Бирих, Мокиенко, Степанова 1997) выделяются семантические поля идиом, однако эти словари сделаны на ограниченном материале. Словники этих словарей не превышают полутора тысяч фразеологизмов. Кроме того, подобные словари либо недостаточно детально структурируют идиоматический материал, либо представляют идиоматику в виде изолированных синонимических рядов.

В англоязычной и немецкоязычной лексикографии также отсутствуют исчерпывающие словари фразеологии тезаурусного типа. Имеются лишь словари с более или менее ограниченным словником — ср. (Görner 1979; Müller 1994; Spears 2000). Особо следует упомянуть идеографический словарь устойчивых выражений немецкого языка (Schemann 1989), который, отличаясь значительным объемом словника, не включает примеров и основывается, по сути, на дедуктивной схеме, в каком-то отношении близкой тезаурусам Роже (Roget's Thesaurus 1987), Дорнзайфа (Dornseiff 1959) и прежде всего Халлига и Вартбурга (Hallig, Wartburg 1963)¹.

В испанской фразеографии есть пример словаря, приближающегося по своей структуре к идеографическому (Rodríguez Vida 2011). Он включает порядка 16000 единиц, распределенных по 4300 тематическим полям («концептам»). Имеются и другие идеографические описания фразеологии европейских языков.

¹ Хотя эти тезаурусы устроены весьма различным образом, их объединяет принципиальная установка на описание лексического состава естественного языка по некой иерархической, древовидной схеме. Подробнее о тезаурусах вообще см. (Караулов 1976; Marelllo 1990).

Так, двуязычный словарь французского и бразильского варианта португальского языков «*Dictionnaire d'expressions idiomatiques*» (около 4000 единиц по обоим языкам) организован по смысловым группам и имеет вид лексикографической базы данных.

Созданные в рамках нашего проекта идеографические словари «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (Словарь-тезаурус 2007) и «Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты» (Тезаурус русских идиом 2018)² построены индуктивно, то есть не от абстрактной логической схемы к идиомам, а от идиом к семантическим полям — см., в частности (Баранов, Добровольский 1992). Они основываются на абсолютно новом для фразеологии языковом материале. Мы исходим из представления, что индуктивный способ построения тезауруса более оправдан как по отношению к обычной лексике, так и в особенности применительно к фразеологии³. Дело в том, что многие априорно постулируемые семантические поля могут вообще отсутствовать в том или ином языке и тем более в его фразеологии. Тем самым, исходя из чисто логической схемы, невозможно предсказать существование тех или иных полей во фразеологии.

К особенностям структуры Тезаурусов следует отнести отсутствие последовательной древовидной схемы таксонов. Это отражает естественное устройство семантики фразеологии, которая в общем случае организована не по иерархическому, а по сетевому принципу (см. подробнее ниже). Связи между таксонами отражаются в виде парадигматических отсылок, соответствующих интуиции авторов словаря. Отсюда следует, что нет мотивированного порядка расположения таксонов относительно друг друга, хотя чисто технические способы здесь вполне возможны (например, упорядочивание по алфавиту или априорным семантическим категориям).

Кроме того, одной из важных особенностей нашего подхода является разделение таксона на центральную часть и периферию, что отражает общее представление о том, что в основе семантики естественного языка лежат не контрарные противопоставления, а шкалы, устроенные по градуальному принципу, то есть лексическая единица (и тем самым фразеологизм) может входить в то или иное семантическое поле в большей или меньшей степени.

Концепция фразеологии, которая послужила теоретическим основанием Тезаурусов, обсуждалась нами в различных работах — см. (Баранов, Добровольский 1992; 2008; 2013; Dobrovol'skij 1995). Важнейшей категорией теории фразеологии является понятие идиомы. К идиомам относятся сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости (Баранов, Добровольский 2013: 69–72). Именно идиомы являются единицами словника Тезаурусов. Словник этих словарей создан в результате последовательного чтения текстов и выявления в них идиом. Материал собирался методом сплошной выборки. В результате был получен общий словник, объемом 55 тыс. идиом, введенный

² В дальнейшем изложении оба этих словаря для краткости называются «Тезаурусы».

³ Преимущества и недостатки дедуктивной и индуктивной стратегии построения тезауруса для фразеологии обсуждаются также в (Никитина 1995).

в компьютерную базу данных. Далее словник унифицировался: объединялись варианты одной идиомы, устанавливался опорный компонент для последующей алфавитизации и пр. Одновременно каждой идиоме приписывался набор семантических дескрипторов, которые далее позволили распределить идиомы по семантическим полям. В этом смысле дескрипторы оказывались элементами идеографического описания. Так идиома *платить той же монетой* маркировалась дескрипторами ‘соответствие’ и ‘расплата’. В последующем по первому дескриптору эта идиома была помещена в таксон СХОДСТВО, СООТВЕТСТВИЕ; СОВПАДЕНИЕ; РАВЕНСТВО, ТОЖДЕСТВО, а по второму — в таксон ПРЕТЕНЗИИ, РАСПЛАТА.

2. Характеристика материала

Важнейшее отличие Тезаурусов от имеющихся фразеологических словарей состоит в их ориентации на современный аутентичный языковой материал. В словник включены только те идиомы, которые были обнаружены в публицистических и художественных текстах 60–90 годов XX века, а также частично начала XXI в. Если та или иная идиома ни разу не встретилась в базе данных и корпусах текстов, она не включалась в словник Тезаурусов, независимо от того, представлена ли она в существующих фразеологических словарях или нет. В словник Тезаурусов не вводились устаревшие идиомы, значение которых неизвестно большинству носителей современного русского языка. К таковым были, в частности, отнесены идиомы типа *семя и овамо*, *выписывать мыслете*, *подбитый ветром*, *охулки на руку не класть*. Отчасти это обедняет словарь, поскольку некоторые писатели сознательно вводят в свои тексты устаревшую идиоматику, играя на эффекте необычности и непрозрачности (ср. романы Саши Соколова). В то же время устаревшие идиомы, понятные без специальных объяснений — типа *во время оно*, *на веки вечные*, — включались в Тезаурусы в пометой *устар.* Четких принципов разграничения современных и устаревших идиом мы предложить не можем. Единственный критерий, который использовался при формировании словников — собственная интуиция.

Тот же принцип ориентации на первоисточники был положен в основу формирования корпуса примеров. Примеры использования идиом брались не из словарей, а из оригинальных текстов. Цель такой стратегии заключается в том, чтобы по возможности объективно отразить в словнике и корпусе примеров современное состояние русской идиоматики. В (Тезаурусе русских идиом 2018) в качестве примеров используются предложения, которые, однако, построены на основании реальных контекстов употребления — по большей части начала XXI в.

Таким образом, стратегия формирования источников и соответственно материала Тезаурусов, а также этапы работы над данным проектом определялись тремя факторами:

- дескриптивным характером Тезаурусов;
- ориентацией на узус 60–90 годов XX века и начала XXI века;
- необходимостью введения в сферу научного описания современных речевых данных по фразеологии.

Следует подчеркнуть, что указанный период развития языка не является гомогенным. Он охватывает и хрущевскую «оттепель», и период «застоя», и перестройку, и постперестройку, и современность. Общественно-политическая ситуация, разумеется, в значительной мере влияла и влияет на функционирование русского языка. Особенно сильные изменения произошли в период перестройки.

Генеральный словарь Тезаурус сформирован на основе Базы данных по современной идиоматике — первом источнике проекта. База данных к настоящему времени включает 55 тыс. контекстов употребления идиом. С жанровой точки зрения База данных охватывает все основные сферы употребления русского языка — художественная литература, публицистика, различные жаргоны, частично представлена и научная литература. Формирование Базы данных по современной идиоматике было завершено, когда регулярно проводившиеся эксперименты на полноту представления материала показали приближающийся к стопроцентному учет данных. Иными словами, когда в случайной выборке текстов рассматриваемого периода по указанным источникам (порядка 20 стр. текста) оказался лишь один процент (или менее) новых идиом, последовательное расписывание текстов для Базы данных прекратилось.

3. Стилистическая дифференциация материала

Для стилистической характеристики идиом была специально разработана система классификации, которая предусматривает использование временных и стилистических помет. Кроме того, предлагаются два новых типа помет — дискурсивные пометы и регистровые операторы. Так, к временным пометам относятся пометы *устар.* «устаревшее» (ср. *спокон веков/веку*) и *совет.* «советское» (*страна чудес [и членов КПСС]*). Стилистические пометы в основном являются традиционными:

- *высок.* — «высокое» (*пыль веков, [да] минует/минет чаша сия (кого-л.), с нами крестная сила*);
- *нейтр.* — «нейтральное» (*отчаянные головы, вызвать огонь на себя, на каждом шагу, знать себе цену*);
- значимое отсутствие пометы — «стилистический ноль» (*до победного, как из пушки, медвежий угол*);
- *снижен.* — «сниженное» (*разлюли-малина; метать икру; я с тобой свиной вместе не пас; гуляй, Вася!*);
- *груб.* — «грубое» (*в задницу, к свиньям собачьим; в дерьме [быть/сидеть/оказаться...], к едрене фене*);
- *неприл.* — «неприличное» (*[сидеть...] не отрывая жопы, ни бзднуть ни пёрнуть (где-л.)*);
- *неценз.* — «нецензурное».

Основное новшество в данной группе помет — введение пометы *нейтр.* и исключение пометы *разг.* Это связано с тем, что большая часть идиом относится к разговорному стилю речи. Принцип научного описания требует, чтобы пометы

маркировали выделенное множество единиц, а не большинство — «фон». Помета «стилистический ноль» — это не обязательно характеристика только разговорных идиом. «Ноль» — это отклонение от нейтрального стиля речи либо в сторону снижения (в частности, за счет разговорных слов в составе идиомы), либо в сторону очевидной образности речи. Например, *сбиться с ног, мчаться на всех парусах* — это не *снижен.*, но и не *нейтр.*, это «стилистический ноль» из-за очевидного и хорошо ощущаемого образа. Их мы и относим к стилистическому «стандарту» идиоматики.

Помета *снижен.* относится не ко всем сниженным идиомам, поскольку сниженными являются также и грубые, неприличные и нецензурные фразеологизмы, а к тем идиомам, которые, не будучи ни нейтральными, ни «нулевыми» (в указанном выше понимании), встречаются преимущественно в ситуациях стиля речи, несколько более сниженного по сравнению со стилем обыденной коммуникации. При этом они не относятся ни к грубым, ни к неприличным или нецензурным выражениям. Так, идиома *с полтинка* ощущается как сниженная по отношению к разговорному стандарту, не являясь в то же время ни грубой ни, тем более, неприличной или нецензурной. Отметим, что ситуация употребления сниженных идиом (помета *снижен.* и ниже) часто предполагает жестикуляцию, которая не приветствуется в нормированной коммуникации, ср. *ни бум-бум (кто-л. в чём-л.)*.

Отметим, что, хотя обценные идиомы присутствуют в (Словаре-тезаурусе 2007), они изъяты из словника (Тезауруса русских идиом 2018).

Пометы *книжн.* «книжное», *журн.* «журнализм», *жарг.* «жаргонизм», *совидеол.* «советская идеология», *народн.* «народное» и *прост.* «просторечное» мы относим к дискурсивным, поскольку они характеризуют не стилистический регистр языка в точном смысле, а специфические особенности номинации в конкретном подъязыке. Иными словами, такие идиомы входят в набор дискурсивных практик соответствующих сфер функционирования языка.

Сфера действия пометы *совидеол.* часто пересекается со сферой действия временной пометы *совет.* Подобные пересечения естественны, поскольку соответствующий тип дискурса принадлежит истории. Однако в ряде случаев идиомы, характерные для языка советской эпохи, могут и не нести никакой идеологической нагрузки. Некоторые из таких идиом получают пометы «*совет. журн.*»; ср. *голубой экран, [одна] шестая часть суши*. Примерами выражений, получающих помету *совидеол.* могут служить такие идиомы, как *опиум для народа, продажная девка империализма, школа коммунизма*. Помета *жарг.* приписывается не только идиомам типа *лепить горбатого, звать дуру, склеить ласты* (в этих случаях помета *жарг.* часто используется в сочетании с регистровыми пометами *снижен.* и *груб.*), но и идиомам типа *груз 300*, употребляющимся в профессиональных жаргонах (в данном случае в военном).

В ряду дискурсивных помет используется также помета *народн.*, характеризующая идиомы, типа *ехать в Тулу со своим самоваром; по усам текло, а в рот не попало; звать свой шесток; [семь вёрст] киселя хлебать (куда-л.)*.

4. Учет неоднородности плана содержания идиомы

В современной семантике стало общим местом утверждение, что план содержания языковых выражений неоднороден с точки зрения значимости и коммуникативного статуса его отдельных компонентов (Bolinger 1974; Wierzbicka 1972; Апресян 1974; Падучева 1977). Это в полной мере относится и к идиомам. Например, идиома *на вес золота* содержит в своей семантике компоненты 'ценность' и 'недостаточное количество', которые интуитивно воспринимаются как неоднородные по значимости. Судя по контекстам типа (1), идиома употребляется в ситуации, когда, нечто рассматривается как 'большая ценность'. Этот смысл является центральным в семантике обсуждаемого выражения. В то же время идея 'недостаточного количества' также присутствует в ряде контекстов, ср. (2).

(1) Времена-то, сам знаешь, какие наступают! Литературе вроде как вольную дают... Теперь люди с моим уровнем критического мышления *на вес золота* будут! (Ю. Поляков. Козленок в молоке);

(2) В мрачные времена Средневековья карлики ценились *на вес золота*. Всякий мало-мальски уважающий себя правитель должен был иметь при себе хотя бы одного (Московский комсомолец).

Эта идиома включается в центральную часть таксона важность, значимость, ценность и в периферийную часть таксона мало, меньшая часть, недостаточно; немного. Целесообразность такого решения следует из значения данной идиомы: 'нечто рассматривается как большая ценность, часто имеющаяся в недостаточном количестве'.

Помимо распределения идиом по центральной и периферийной частям таксонов, в Тезаурусе используется также система парадигматических отсылок. В первую очередь парадигматические отсылки призваны отразить сетевую структуру идиоматики. Однако они также позволяют передать неоднородность плана содержания тех или иных идиом. Например, идиомы таксона богатство, материальное благополучие имеют в своей семантической структуре тривиальный компонент 'много', поскольку богатство предполагает значительное количество какого-то материального ресурса.

5. Учет дискурсивной функции идиомы

Словники современных фразеологических словарей никак не учитывают весьма важную как с теоретической, так и с практической точки зрения группу идиом, тесно связанную по своему значению с дискурсом, с ситуацией общения. В Тезаурусе идиомы этого типа выделены в особую зону таксона, которая называется «Речевые формулы» — см. подробнее (Баранов, Добровольский 2013: 70–72).

Имеются в виду такие идиомы, как *старость не радость, не гони лошадей, избави бог, дурак или родом так?, поживем — увидим, как только так сразу*, которые в отличие от фразеологизмов *коломенская верста, пить горькую, принимать в штыки*, более тесно связаны с конкретными факторами ситуации общения. Так,

идиома *старость не радость* может употребляться как речевой комментарий к каким-то действиям, осуществляющимся конкретным лицом в ситуации общения, нечто вроде 'оценивая данную ситуацию, говорящий объясняет возникшие у кого-либо трудности тем, что кто-либо стар'. Ср. контексты типа (3) и (4).

(3) — <...> Соскучился, выпил, может быть, лишнего... Много ли такому старичку требуется! — Да-а-а, — присоединилась к ее мнению кассирша, — *старость не радость*... Пойдемте, девушки, в помещение!.. (Л. Лагин. Старик Хоттабыч);

(4) Теперь припоминаю, — солгал Энэн, — да, именно, передавала вашу записку. Простите, совсем забыл. — *Старость не радость*, — вздохнула Варвара Владиславовна, — я теперь лечусь у гомеопата, чудеса делает, вдохнул в меня новую жизнь (И. Грекова. Кафедра).

Отсылка к предшествующей ситуации с определенностью указывает на дискурсивную зависимость идиомы *старость не радость*. Легко видеть, что такая отсылка отсутствует в идиомах *до седых волос*; *старая дева, на краю могилы, божий одуванчик, пропахнуть нафталином*. Таким образом, характеристика идиомы *старость не радость* по чисто семантическим параметрам (то есть отнесение ее, наряду с перечисленными идиомами, к семантическому полю СТАРОСТЬ) оказывается недостаточной для описания ее дискурсивной функции.

Речевым формулам свойственна фиксированность иллюкутивной силы, которая задается в исходной словарной форме. Например, если сравнить две идиомы — *и куда только смотрит (кто-л.)?* и *блоха в кармане и вошь на аркане (у кого-л.)* — то первая используется только в риторических вопросах, а вторая допускает различные иллюкутивные контексты. Ср. (а) — риторический вопрос и (б) — контекст повествования: (а) — *Спасибо еще, что нас на таможне не трясли. — А чего нас трясти? Разве не видно, что у нас блоха в кармане и вошь на аркане?* (б) — *Этот кот так себе на уме, что не знаешь, чего от него ждать. Жаль только, что у его нового хозяина блоха в кармане да вошь на аркане, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы*. По этой причине лишь первая идиома относится к речевым формулам. Речевые формулы в самом общем виде могут быть определены как идиомы разных структурных типов, функционально эквивалентные высказыванию с фиксированной иллюкутивной силой.

6. Тезаурус как семантическая сеть

В общем случае семантическая сеть формируется узлами, которые соединяются между собой различными семантическими отношениями. В отличие от дерева, семантическая сеть не ориентирована, не имеет иерархической структуры. В зависимости от типа семантических отношений между узлами могут существовать отношения наследования семантических свойств, временные и каузальные связи и пр. С формальной точки зрения каждый из наших Тезаурусов представляет собой совокупность таксонов, упорядоченных по достаточно произвольным характеристикам. Это связано с тем, что естественная языковая семантика в целом устроена не по «древесному», принципу, а по сетевому. Отдельные фрагменты лексической

системы могут быть упорядочены в виде дерева — например, термины родства, названия цветов, овощей, фруктов, животных и пр. «Древесная» структура может быть обнаружена и в таких таксонах Тезаурусов, как ВРЕМЯ и КОЛИЧЕСТВО, однако это, скорее, исключение, чем правило.

Тем самым Тезаурусы представляют собой не единые деревья, а множество различных таксонов, некоторые из которых имеют структуру деревьев. Древовидные таксоны содержат корневую часть, в которую включены идиомы с очень общей семантикой, а также идиомы, для которых не нашлось особого подтаксона в рамках данного древовидного таксона. Например, в корне таксона ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО оказались как идиомы *мать сыра земля, этот свет*, характеризующиеся довольно широкой пространственной семантикой, так и идиомы с более конкретными значениями: *в головах, за бугром, под открытым небом* и пр.

Традиционные структуры тезаурусов в том виде, в котором они представлены в словарях Роже, Дорнзайфа, Халлига и Вартбурга, это компромисс — функция отображения сети в дерево, приводящая к неизбежным искажениям. Следовательно в тезаурусах необходимы «горизонтальные» отсылки (ср. тезаурус Роже). В наших Тезаурусах связи между таксонами выражаются комплексом парадигматических отсылок. Еще одним способом отражения сетевых связей в идиоматике является разделение таксона на центральную и периферийную часть.

В информационно-поисковых тезаурусах, которые образуют основу информационно-поисковых языков, обычно выделяются три основных вида парадигматических отношений: отношения ‘род-вид’, антонимические и ассоциативные отношения. Поскольку выделение ассоциативных отношений трудно формализовать, что может привести к абсолютному произволу при создании системы парадигматических отсылок, мы старались ориентироваться на родо-видовые отношения и их модификации. Заметим, что антонимические отношения и часть родо-видовых отношений фиксируются в самой структуре таксонов Тезауруса. Например, отношение антонимии представлено в названиях таксонов ХОРОШО — ПЛОХО, БЕДНОСТЬ — БОГАТСТВО, ДВИЖЕНИЕ — ОСТАНОВКА, ВАЖНОСТЬ — НЕВАЖНОСТЬ. Это означает, что в них выделяются подтаксоны, содержащие идиомы с соответствующими антонимичными семами.

В Тезурусах отражались следующие типы парадигматических отношений. Отношение **включения**, предполагающее, что идиомы с более «частным» значением помещаются в соответствующие им таксоны, а от таксонов с более общим значением к ним делаются отсылки. Например, идиомы *до седых волос, старая гвардия, старая дева, мышинный жеребчик, старой закваски* включены в таксон СТАРОСТЬ, а из таксона с более общим смыслом ДАВНО сделана отсылка к таксону СТАРОСТЬ. Большое количество отсылок такого типа к другим таксонам содержат поля интенсификаторы ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, ХОРОШО, ПЛОХО. Это связано с тем, что такие смыслы как ‘очень, сильно’, ‘хорошо’ и ‘плохо’ представлены в семантике большого количества идиом, распределенных по самым разным таксонам. Понятно, что отсылки, за которыми стоит отношение включения, однонаправлены, поскольку само отношение включения асимметрично.

Классические родо-видовые отношения отличаются от отношения включения только тем, что категория X является родовой по отношению к категориям Y, ..., Z. В качестве примера родо-видовых отношений приведем таксоны НАКАЗАНИЕ... и КАЗНЬ. Поскольку казнь (ср. *высшая мера [наказания], пусть... в расход (кого-л.), поставит к стенке (кого-л.)*) является видом НАКАЗАНИЯ, в таксоне НАКАЗАНИЕ... есть отсылка к казни, но не наоборот.

В некоторых случаях отражалась не безусловная логико-семантическая связь между таксонами, а скорее вероятностная. Здесь можно говорить об **отношении пересечения по экстенсионалу**. Например, некоторые идиомы таксона СТАРОЕ типа *сдать в архив (кого-л./что-л.), выдавший виды, пропахнуть нафталином, в обед сто лет* могут использоваться по отношению к старым людям (хотя и не обязательно). Иными словами, часть экстенсионала таксона СТАРОЕ пересекается с частью экстенсионала таксона СТАРОСТЬ. И наоборот — некоторые идиомы таксона СТАРОСТЬ (*старая гвардия, старой закваски*) в некоторых контекстах обращают внимание не на старость человека, а на его воззрения, нормы, ценности, которые интерпретируются как старые. В таких случаях делались симметричные отсылки.

В выбранном нами способе организации Тезаурусов сетевые отношения эксплицируются не только парадигматическими отсылками, но и дублированием идиомы в разных таксонах. Это может указывать как на то, что идиома употребляется в этих таксонах в разных значениях, так и на то, что в одном и том же значении в ее плане содержания представлены разные семы. Например, речевая формула *снова (-) здорово* содержит в своей семантике компоненты ‘опять, повторно’ и ‘проблемы, трудности’. Тем самым она попадает в таксоны СНОВА, ОПЯТЬ, ПОВТОР и ТРУДНОСТИ... С другой стороны, идиома *вверх тормашками* в значении ‘в положении, когда нижняя часть находится наверху, а верхняя — внизу’ попадает в таксон ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ, а также в таксон ДВИЖЕНИЕ (с глаголами *перевернуть, быть, находиться, лететь*). В значении ‘радикально’ обсуждаемая идиома введена в таксон ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА (*либерализация цен все перевернула вверх тормашками*). В значениях ‘верхней частью вниз, а нижней вверх’ и ‘(привести) в сильный беспорядок’ указанная идиома попадает в таксон БЕСПОРЯДОК, а в значении ‘ненормально и приводя к неуспеху’ — в таксон ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА.

В Тезаурусах не представлены те связи между таксонами, которые отражают знания о мире и не фиксируются регулярно в значении идиом (здесь, впрочем, могут быть исключения, ср. родо-видовые отношения). Например, война или болезнь могут вести к смерти, однако в идиомах такое совмещение семантики болезни и смерти, а также войны и смерти нерегулярно. Таким образом, экстралингвистические знания не фиксируются в отсылках, если они не поддерживаются семантикой соответствующих идиом. Однако, если идиома совмещает в значении идею войны и идею смерти (например, *сложит голову*), она попадает в соответствующие таксоны.

Из сказанного следует, что в отсылках от таксона к таксону эксплицируется лишь небольшая часть семантических отношений, существующих между семантическими полями идиом. Однако выделяемые отношения в каком-то смысле формируют «линию тренда», которая позволяет более четко увидеть основные семантические связи между группами идиом.

* * *

В заключение о двух ипостасях Тезаурусов. В первую очередь, Тезаурусы — конечно, словари, которые фиксируют современное состояние русской идиоматики, вводят в научный обиход совершенно новый и оригинальный языковой материал. Такие данные было бы невозможно получить без использования современных компьютерных технологий обработки языковых данных, без представительной корпусной основы. Выбранный в Тезаурусах способ семантического описания с неизбежностью огрубляет семантические противопоставления, существующие между отдельными идиомами. Однако это компенсируется полнотой словника и контекстами употребления. Разработанная система стилистических помет позволяет читателю уверенно ориентироваться в разнообразных ситуациях употребления идиом.

Кроме того, Тезаурусы представляют собой инструмент и одновременно объект лингвистического исследования — ср. (Баранов, Добровольский 2006). Собранный материал позволяет в полной мере оценить состав современной русской идиоматики, структуру семантических полей, покрываемых идиоматикой, семантические связи между ними. Изучение парадигматических отношений между таксонами дает возможность определить, какие из них являются более «центральными», более важными во фразеологической системе. Даже простая количественная оценка идиом, входящих в различные поля, служит надежной основой для выводов об устройстве русской «фразеологической картины мира». Разумеется, есть и другие направления использования Тезауруса как инструмента и объекта лингвистического исследования, которые определяются в дальнейшей работе с ним.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва, 1974.

АСРФ 2020: Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2020.

Баранов, Добровольский 1992: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 5, 60–68.

Баранов, Добровольский 2006: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Тезаурус как объект лингвистического исследования (кванторные смыслы в русской идиоматике) // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Москва, 2006, 306–315.

Баранов, Добровольский 2008: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. Москва, 2008.

Баранов, Добровольский 2013: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. Москва, 2013.

Бирих, Мокиенко, Степанова 1997: Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997.

Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987: Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. Москва, 1987.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Никитина 1995: Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2, 68–82.

Падучева 1977: Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. Москва, 1977, 91–124.

Словарь-тезаурус 2007: Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Москва, 2007.

СОВРЯ: Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. Москва, 1995.

Тезаурус русских идиом 2018: Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского 2-е изд., испр. и доп. (1-е изд. 2017). Москва, 2018.

ФОС 2009: Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Москва, 2009.

Яранцев 1997: Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. Москва, 1997.

Bolinger 1972: Bolinger D. Degree words. The Hague, Paris, 1972.

Dictionnaire d'expressions idiomatiques: Dictionnaire d'expressions idiomatiques: Français — Portugais — Français. Электронный ресурс: https://www.cnrtl.fr/dictionnaires/expressions_idiomatiques/

Dobrovol'skij 1995: Dobrovol'skij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen, 1995.

Dornseiff 1959: Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5. Aufl. Berlin, 1959.

Görner 1979: Görner H. Redensarten. Kleine Idiomatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1979.

Hallig, Wartburg 1963: Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. 2., neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin, 1963.

Marello 1990: Marello C. The Thesaurus // Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. (Hrsg). Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. 2. Berlin; New York, 1990, 1083–1094.

Müller 1994: Müller K. Lexikon der Redensarten. Gütersloh, 1994.

Rodríguez Vida 2011: Rodríguez Vida S. Diccionario temático de frases hechas. Barcelona, 2011.

Roget's Thesaurus 1987: Roget's thesaurus of English words and phrases. New edition. Harlow, 1987.

Schemann 1989: Schemann H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Unter Mitarbeit von Birkenhauer R. Straelen, 1989.

Spears 2000: Spears R.A. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. Lincolnwood, 2000.

Wierzbicka 1972: Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main, 1972.